

Лилина Мария
Петровна

29/VI-91.

Сов. Россия - 1991 - 29 июня

К 125-летию со дня рождения М. П. Лилиной

Диалог без слов

Есть старинная фотография — М. П. Лилина, О. Л. Книппер, М. Н. Ермолова и чуть поодаль сидит в кресле К. С. Станиславский. Висбаден. Год 1906-й.

В разговоре о Марии Петровне Лилиной символичность этой фотографии тем более очевидна, что никто в истории русского театра начала нынешнего века не стоял так близко к Станиславскому — жена и друг великого реформатора театра, — и никого по многочисленным откликам современников так часто не называли лучшей актрисой МХАТа.

В том понимании этого слова, которое мы в него вкладываем, когда говорим «великая», например, о Ермоловой, — в этом понимании «великой» Лилина не была. Качалов говорил, что она не стала великой актрисой главным образом потому, что сама себя не видела такой. Она была не то что скромного мнения о своем актерском качестве, нет, она признавала себя хорошей актрисой, но была убежденно «вторым» человеком и художником. Вторым при великом первом. Это было, видимо, следстви-

ем структуры ее домашнего мира...

Одаренность Лилиной, ее редкое сценическое и человеческое обаяние, ее мягкость и женственность отмечали все, кому хоть раз довелось встретиться с ней в жизни или на сцене. Казалось бы, образ воздушной, белокурой, с огромными, ясными, вопрошающими глазами феи уготовил ей амплуу примадонны, но она играла характеры психологически глубокие.

Перебираю хрупкие листки писем Лилиной к Г. Федотовой начала века. Трудно провести грань, где бы отделялось творчество от личной женской судьбы. Письма ее дают понимание того, как глубоко верила актриса в духовную силу искусства, какой продолжательницей великих традиций, начатых Г. Федотовой и М. Ермоловой, была на русской сцене. Она усвоила всем сердцем завет безраздельного служения правде искусства. В ее понимании это значило до самых сокровенных глубин познать человеческую душу и служить поэтическому ее восприятию.

По свидетельству актри-

сы МХАТа Литовцевой, «ложь», «ломанье», разрыв между «казаться» и «быть» были абсолютно несовместимы с внутренним обликом Марии Петровны. Неправдива, небеспристрастна она была только во всем, что касалось Константина Сергеевича. Она шла за ним и верила в него безгранично.

Трудно ли это было? Вернемся к той фотографии из Висбадена, с которой мы начали этот рассказ. Вглядимся в лицо актрисы — оно спокойно, и только в глубине глаз необычайная грусть. Вспомнилось, что за границей, в Баденвейлере умер за два года до этого А. П. Чехов. С его именем необычайно глубоко связана творческая судьба актрисы. В «Чайке» она — Маша, в «Трех сестрах» — Наташа, в «Дяде Ване» — Соня, в «Вишневом саде» — Аня. Целая галерея трудных и изломанных женских судеб.

С годами Лилина все больше и больше обращается к созданию сатирических, гротескных характеров. Но смею думать, что главной линией внутренней жизни актрисы была влюбленность в ту «тон-

кость души», тот диалог без слов, который привнес в жизнь театра Чехов.

Особо всегда отмечают ее Наташу в «Трех сестрах». Именно здесь стал резко оттачиваться сатирический дар актрисы. Ее Наташа в «Трех сестрах» — это виртуозно сыгранный тип маленького ничтожества, пошлости.

Артисты МХАТа несли свою миссию просветительства с достоинством, грацией, скромностью. Всем своим внутренним и внешним обликом они утверждали нового прекрасного человека. Разве не эта мечта Чехова воплотилась в актрисах МХАТа, разве не создали они образ русской женщины, ставшей вровень с великими завоеваниями русской литературы Пушкина, Тургенева, Толстого?

Почему же утратили мы эту вершину на пороге XXI века? И не та ли пошлость — Наташа развешивает наш мир?..

Но человеку свойственно верить, а идеалам сниться. Будем же верить, что в чьей-то юной душе живет новая Лилина, и она придет, обязательно придет на русскую сцену.

Г. ОРЕХАНОВА

